

Елизавета Николаевна Водовозова

Василий Иванович

Семевский

Елизавета Водовозова
Василий Иванович Семевский

«Public Domain»

1917

Водовозова Е. Н.

Василий Иванович Семевский / Е. Н. Водовозова —
«Public Domain», 1917

«Автобиографический набросок моего покойного мужа Василия Ивановича о его детстве и юности я хочу дополнить рассказом о том, что знаю лично о последующих обстоятельствах его жизни, и указать лишь на некоторые основные черты его характера...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Елизавета Водовозова Василий Иванович Семевский

Автобиографический набросок моего покойного мужа Василия Ивановича о его детстве и юности я хочу дополнить рассказом о том, что знаю лично о последующих обстоятельствах его жизни, и указать лишь на некоторые основные черты его характера.

Уже в начале 60-х годов я была хорошо знакома с многими членами его родной семьи. Его два брата, Михаил и Александр, и их сестра Софья сильно отличались друг от друга по своему характеру, темпераменту, воззрениям на жизнь и по своим отношениям к людям. Несмотря на это, Михаил и Александр в продолжение нескольких лет сообща нанимали маленькую квартиру. С ними жил и их брат Жоржик, совершенно больной юноша, лет двадцати, которого они после двухгодичной совместной жизни, по совету врачей, устроили в деревне у родственников. Петр Иванович, года на два старше Жоржика, проживал в провинции, но нередко приезжал погостить к старшим братьям.

Александр Иванович, высокий, худощавый, с подвижными чертами нервного лица, всегда оживленный, был очень любим в обществе, как человек остроумный и занимательный собеседник. Он легко смотрел на жизнь, и материальные невзгоды совсем не тяготили его. В периоды безденежья он брал кусок черного хлеба, совал его в карман всегда довольно потрепанного пальто и, не теряя бодрости настроения, с книгой в руках отправлялся в какой-нибудь парк или к кому-нибудь в гости. Вероятно, отсутствие страданий от каких бы то ни было материальных лишений заставляло его быстро тратить свои деньги, которые доставались ему случайно, так как в это время платной работы у него не было. Имея множество знакомых, с которыми он всегда вел оживленную беседу, он едва ли к кому-нибудь питал глубокую привязанность, кем-нибудь сердечно интересовался.

Петр Иванович – самый красивый из всех братьев. Когда он гащивал у них, они обыкновенно затягивали его на «фиксы» к своим знакомым. Он скромно садился в уголок, не принимал никакого участия в разговорах и спорах, а когда с ним заговаривали, он конфузливо краснел, улыбался и застенчиво отвечал на вопросы, не пускаясь ни в какие рассуждения.

Я как-то заметила Александру Ивановичу, что его брата Петра Ивановича уже давно все встречают у нас, но никто не знает его.

– А между тем Петр вовсе не загадочная натура. Он весь как на ладони! – В эту минуту в комнату вошел Петр Иванович. Александр Иванович, указывая на брата, продолжал: – Рекомендую, очень обязательный молодой человек, когда ему не навязывают ни дел, ни поручений... Хорошо усваивает факты, но делать из них вывод он не мастер. Да ведь и дело-то это нудное, лежит скорее на обязанности философов... – Подобные вещи, иногда весьма шепетильные, Александр Иванович часто высказывал, не стесняясь личным присутствием того, о ком говорил, и притом с какой-то безобидной иронией.

Михаил Иванович Семевский (впоследствии редактор исторического журнала «Русская старина»), человек с практической жилкой, но бестактный и крайне вспыльчивый, чрезвычайно работающий, печатал в то время свои многочисленные исторические статьи в различных журналах, но всегда нуждался в деньгах. Отчасти это происходило потому, что плата за литературную работу была тогда незначительная, а органов печати несравненно меньше, чем в настоящее время, да и не каждая редакция помещала его работы. Безденежье много портило его и без того несносный характер. Материальные затруднения приходилось испытывать Михаилу Ивановичу и потому, что на его плечах лежали действительно весьма сложные и многочисленные семейные обязанности. На его полном иждивении жил его больной брат Жоржик, хроническая болезнь которого требовала больших расходов. Помогал он и своему брату Александру, хотя у того водились и собственные деньжонки. Они оба (Михаил

и Александр) несколько раз получали маленькие наследства после смерти своих теток, над которыми они хотя и сильно подтрунивали, но не забывали их навещать от времени до времени. Правда, наследства эти были весьма скромных размеров, от одной до трех тысяч, но любопытно то, что старухи-тетки оставляли по завещанию свое скромное достояние лишь двум своим старшим племянникам, но ни о своей племяннице, ни о своих остальных племянниках они не заботились. Александр Иванович, получив свою часть наследства, быстро спускал деньги и прибегал к займу у брата, которого это очень сердило. Михаил Иванович не был так уверен, как его брат, что новое наследство опять так же неожиданно свалится на их головы, и не рассчитывал получить свой долг от Александра. К тому же Михаил Иванович старался при первой возможности оказать помощь и своей сестре Софии Ивановне, муж которой долго оставался без места, так что она вынуждена была жить с маленьким сыном у своих родственников в качестве гувернантки. Приходилось Михаилу Ивановичу тратить деньги и на своего младшего брата Василия Ивановича, которого он еще в корпусе заставлял брать платные уроки музыки и французского языка.

Василий Иванович, по его собственным словам, не обнаруживал ни малейшей склонности к музыке; Михаил Иванович тоже не имел к ней пристрастия, но в эпоху 60-х годов требовалось развивать и упражнять у воспитываемых все способности – физические и умственные. В те времена очень многие твердо верили в то, что путем упражнения можно привить и развить каждый талант, что для этого вовсе не нужно врожденных способностей. И как это ни странно, но это стремление у многих уживалось как-то вместе с отрицанием искусства и поэзии. Часто даже люди небогатые, но до фанатизма преданные идеалам 60-х годов, из последних сил выбивались, чтобы обучать своих детей рисованию, даже музыке и пению, несмотря на то что у них не было ни слуха, ни голоса.

Михаил Иванович представлял собою смесь наиболее характерных достоинств и недостатков прошлой барской крепостнической эпохи с новыми веяниями 60-х годов. Последнее сказывалось у него в том, что, несмотря на отсутствие пристрастия к музыке, он считал своим долгом платить за уроки младшего брата, а неустанная забота о членах своей семьи напоминала прежний родовой быт наших помещиков, когда, обнищав, они нередко ютились в крошечном доме своего дальнего родственника со всеми своими чадами и домочадцами. Но, конечно, прежде всего его отношение к членам своей семьи и забота о них указывали на его доброе сердце.

По своим привычкам Михаил Иванович не имел ничего общего с своим братом Александром. Он страдал от материальных лишений, выходил из себя, когда не мог обзавестись хорошим платьем, любил ездить по железным дорогам в первом или, по крайней мере, во втором классе; а у Александра Ивановича были самые демократические вкусы и навыки. Заботы о членах своей родной семьи не приносили Михаилу Ивановичу нравственного удовлетворения, не снискивали ему у них ни любви, ни уважения. Вспыльчивый, как порох, он то и дело упрекал их своими благодеяниями. Это заставило даже беспечного Александра Ивановича записывать на лоскутке бумаги каждый рубль, который он брал в займы у брата, и прикалывать эту бумажонку к одной из стен их квартирки. Как только до него Доледали резкие звуки окриков старшего брата на кого-нибудь из домашних, Александр Иванович срывался с своего места, хватал свой бумажный листок и подносил его к лицу брата с словами: «Сейчас дойдет очередь и до меня... Так вот: от последней продажи имения тетушки получено две тысячи рублей. На свою тысячу я у тебя наел и перебрал на карманные расходы немногим более этой суммы... Опять умрет какая-нибудь дуреха, все возвращу полностью». При этом он быстро убегал из дому.

Михаил Иванович нередко каялся в своем дурном характере (покаяния были отчасти в обычае в эпоху 60-х годов). Он приписывал дурные стороны своей природы барским привычкам крепостнической эпохи, но это несколько не ослабляло его гневных вспышек. Осо-

бенно болезненно отзывался его дурной характер на его сестре Софии Ивановне. Кроткая, любящая, чуткая, она не любила рассказывать кому бы то ни было, но особенно старшему брату, о своем житье-бытье. Тяжелая участь гувернантки известна каждому, а ей эту обязанность приходилось выполнять, имея при себе собственного ребенка, что уже оказывалось совсем невыносимым. Разговор на эту тему с Михаилом Ивановичем обыкновенно кончался тем, что он немедленно преподносил сестре десяток-другой рублей, так как даже из отрывочных ее ответов он получал конкретное представление о ее безвыходном положении. Но, протягивая руку помощи, он всаживал ей и нож в сердце. Она была женщиной очень религиозной и безумно любила своего мужа. Михаил Иванович нажимал сразу обе педали: «Вот, Сонечка, ты бы и попросила своего всеблагого господа бога, чтобы он образумил твоего благоверного... Пора ему опомниться, кормить свою семью, добыть какое-нибудь местечко». София Ивановна передавала мне подобные нотации брата, нередко рыдая, упрекая себя за то, что она не умеет отделаться от его расспросов какими-нибудь незначительными фразами, и обыкновенно добавляла что-нибудь в таком роде:

– Ведь Миша на редкость доброй души человек! Но какой невыносимый характер! Его деньги жгут мне руки...

У Михаила Ивановича были дурные отношения со всеми, с кем ему приходилось близко сталкиваться: его переписчицы, секретари, помощники – почти все страдали от его неуравновешенного характера. При этом особенно солоно приходилось тому, кто безропотно переносил его брань и издевательства и вынужден был, несмотря на это, продолжать у него работу. Одному своему секретарю-студенту он бросил однажды в лицо бумаги, в которых тот сделал какую-то ошибку или неправильно понял его требования. Секретарь, указывая на упавшие бумаги, произнес решительно и настойчиво:

– Потрудитесь все это немедленно поднять и извиниться передо мной. Иначе я подам, куда следует, жалобу за оскорбление.

Эти неожиданные слова поразили Михаила Ивановича. Его гневные вспышки обрушивались на многих, но он не привык получать отпора, и чаще всего потому, что имел дело с людьми, сильно нуждавшимися в заработке. Михаил Иванович знал, что и этот студент страшно наголодался, прежде чем получить у него работу. И вдруг такая гордыня!.. Не менее поразила его и угроза студента подать жалобу за оскорбление, – Михаил Иванович сильно опасался гласности и немедленно исполнил требование молодого человека.

– Затем позвольте с вами навсегда распрощаться, – отрезал его секретарь.

Но Михаил Иванович схватил его за руки, начал горячо извиняться и умолял его работать у него по-прежнему. Молодой человек согласился. В первое время после этого Михаил Иванович действительно вел себя довольно сдержанно, но при новом столкновении начал упрекать его за гордость, которая, по его словам, комична, когда человеку нечего есть. Тогда студент окончательно ушел, несмотря на все клятвы Михаила Ивановича, что это больше не повторится.

Однако проявление гордости подчиненных не исправляло характера Михаила Ивановича, но заставляло его проникаться к ним уважением и сердечным расположением. Так было и в этом случае. Его бывший секретарь попался в какой-то студенческой истории, из-за которой ему приходилось выйти из университета. Михаил Иванович начал серьезно за него хлопотать, – у него в то время было много знакомых в высших чиновничьих сферах. Хлопоты увенчались успехом, и молодой человек был снова принят в университет. Эти и подобные инциденты Михаил Иванович сам рассказывал своим знакомым с полной объективностью, но, конечно, не упуская случая упомянуть о затруднительности своих хлопот относительно строптивого студента.

Многочисленные семейные заботы Михаила Ивановича должны были скоро увеличиться еще с просьбой младшего брата Василия Ивановича перевести его из корпуса в гим-

назию в два последние старшие класса. Для этого приходилось нанять учителя латинского языка и преподавателя по всем остальным предметам, так как программа обучения в корпусе не соответствовала гимназической. К тому же Михаилу Ивановичу предстояло при вступлении брата в гимназию обмундировать его с ног до головы, платить за его обучение, покупать для него необходимые учебники и книги, наконец, содержать его на свой счет. Обо всем этом Михаил Иванович любил побеседовать с своими хорошими знакомыми. Происходило это отчасти вследствие его экспансивности, присущей очень многим в то время. Тогда было в обычае чуть не все свои дела, нередко даже интимного характера, делать предметом общего обсуждения. Что же касается Михаила Ивановича, то этим он тешил отчасти и свое тщеславие, которым сильно страдал. В беседе на эту тему он указывал, как будет для него затруднительно такое новое обязательство, высчитывал вслух, во что может ему это обойтись, и добавлял, что, к сожалению, совесть не позволяет ему остаться глухим к просьбе младшего брата. Он, Михаил Иванович, «всем нутром» сознает, что должен именно так поступить, а не иначе.

– Какой из моего братишки Василия выйдет военный? Книга для него все, и больше для него решительно ничего не существует. Счастливый брат Саша, – прибавлял он обыкновенно, – его жена – богатая женщина¹, живет он себе припеваючи и не помышляет о нуждах семьи... Да и все мои братья уже привыкли к тому, что я один должен всех их выцарапывать из всякого затруднения. Вот хотя бы Вася... Ведь он не обращается с своей просьбой к Саше, а только ко мне... (При этом Михаил Иванович вздыхал.) А ведь до сих пор я ни от кого из них не видел благодарности. И вот подите же, отказать не могу... Слава богу, хотя в квартире есть теперь местечко. Жоржик умер, Александр женился.

И многие, даже недолюбливавшие Михаила Ивановича за его дурной характер и дерзкие выходки, хвалили его за поступок относительно младшего брата.

И вот Василий Иванович начал готовиться к поступлению в гимназию. Хотя оба учителя наняты были лишь на несколько месяцев и не могли нахвалиться успехами своего ученика, но каждый раз, когда Михаилу Ивановичу приходилось платить им деньги, он говорил брату:

– Нужно что-нибудь устроить, чтобы снять с меня хотя часть обузы, а то ведь просто не продохнуть...

Михаил Иванович очень скоро сам надумал, как себя облегчить: разыскал через знакомых огромного роста упитанного парня, несколькими годами старше Василия Ивановича и целой головой выше его ростом, исключенного из нескольких учебных заведений. Родители великовозрастного молодого человека, выгнанного за неспособность из многих учебных заведений, решили готовить его в юнкерское училище. Василий Иванович обязан был его обучать всем предметам ежедневно, но с условием, чтобы ученик ходил на дом к учителю. Молодой человек оказался крайне ленивым и плохо подготовленным. Тем не менее он удовлетворительно сдал весною экзамены, и его родители через своего сына просили Василия Ивановича зайти к ним, чтобы лично принести ему свою благодарность. Василий Иванович в первый и в последний раз был в их доме, поразившем его роскошью своей обстановки. Но какая была определена плата за его преподавание, Василий Иванович не имел ни малейшего представления, так как условие заключал Михаил Иванович и он же получал деньги за уроки брата. Василию Ивановичу он тоже не говорил об этом, как будто это дело совсем не касалось его: Михаил Иванович хотя и был человеком экспансивным, но о том, что хотел скрыть, мог не проронить ни слова. В то время не только среди крестьян и рабочих глава семейства заключал условия с работодателем, «поставлял» ему в работники сына

¹ А. И. Семевский был женат на Александре Васильевне Петрашевской, родной сестре Михаила Васильевича Петрашевского. (Примеч. Е. И. Водовозовой.)

или брата и получал за него вознаграждение; случалось, это делалось и в среднем классе общества. Я знала семью одного чиновника, который, не получая платы за комнату в своей квартире в продолжение нескольких месяцев, нашел для своего жильца уроки у своего же брата чиновника, но значительнее его, и получал за него деньги, а тот и не знал, сколько он зарабатывает.

Почти одновременно с великовозрастным учеником Василий Иванович сам подыскал уроки в одном знакомом семействе, где ему платили по одному рублю за час, что давало ему в месяц рублей двенадцать. Это вознаграждение Михаил Иванович великодушно предоставил в полное распоряжение своего брата на его карманные расходы. Но Василия Ивановича угнетала мысль, что плата по одному рублю за часовой урок слишком тяжела для его знакомых, в то время сильно нуждавшихся. Чтобы чем-нибудь успокоить свою совесть, вечно преисполненную болезненной тревоги и опасения, как бы не обременить чем-нибудь ближнего, он решил заниматься с новым учеником больше и чаще, чем это следовало по условию. Когда он кончил занятия, ему подарили серебряные часы, с которыми он не расставался до самой смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.